

ГЛАВА 1

*США, штат Пенсильвания, Филадельфия,
лето 1966 года*

На площади перед Индепенденс-холлом, или Залом независимости, выстроенном в георгианском стиле в семнадцатом веке по плану Уильяма Пенна, было многолюдно. Несмотря на жаркий день, старательный счетовод насчитал бы здесь с полтысячи зевак. Люди старались укрыться в тени прилежащего парка, лишь на короткое время выходя на палящее солнце. Они бы и совсем не выходили, но иначе им было не попасть в объективы камер и они не имели бы возможности сказать несколько слов в микрофоны журналистов. А какой американец не хотел бы заявить о личном отношении к празднуемым событиям, когда речь идет о Дне независимости? Вот и выныривали они из благодатной тени деревьев под беспощадные солнечные лучи, как только в поле зрения появлялся новый фургон

газетчиков или скромный микроавтобус сотрудников радио.

Ричард Хелмс сидел в парке напротив здания Зала независимости и размышлял. Будучи уроженцем Пенсильвании, он любил Филадельфию, считал ее своим личным достоянием и мог без усталости рассказывать о том, насколько значимы для истории Америки события, происходившие в Филадельфии начиная с 1776 года. Земля родного города несла на себе исторический след: именно здесь в 1776 году была принята Декларация независимости, а в 1787 году и Конституция США. Здесь, в специальном павильоне, находился Колокол Свободы, главный символ становления Соединенных Штатов, своим звоном впервые возвестивший о принятии Декларации независимости британских колоний от влияния Великобритании.

Здесь же располагался и зал Конгресса, где был подписан Билль о правах, а также Дом-музей Бетси Росс. Согласно легенде, Бетси была швеей, и именно она сшила первый американский флаг. Разве не удивительно, что в одном месте произошло столько знаковых для всей Америки событий? И то, что он, Ричард Хелмс, действующий директор Центрального разведывательного управления, родом из Филадельфии, придавало данному факту значимость, сродни чуду или провидению.

В молодости Хелмс никак не ассоциировал свою личность с разведкой. Отучившись в колледже Уильямса, получил степень бакалавра, занимался журналистикой. Затем, после того как в Берлине во время Олимпийских игр ему удалось взять интервью у Адольфа Гитлера, получил место в газете «Индианаполис таймс», уже на правах менеджера по рекламе. Но ведь где реклама, а где разведывательная деятельность!

Если бы не война, вряд ли его жизнь изменилась бы так круто. В 1942 году его призвали на действительную военную службу. Имея за плечами опыт работы журналистом, он прошел отбор для прохождения шестидесятидневных курсов при Гарвардском университете, после чего был произведен в лейтенанты ВМС. В войска он не попал, кто-то в штабе посчитал, что на штабной работе от Хелмса будет больше пользы, и не ошибся. Уже через год он служил в Управлении стратегических служб (OSS), только что сформированной первой объединенной разведывательной службе при Объединенном комитете начальников штабов. В функции управления входила координация шпионской деятельности в тылу врага для всех видов Вооруженных сил США. Именно на ее основе после окончания войны было создано Центральное

разведывательное управление, директором которого он теперь являлся.

Был ли он доволен изменениями? Или был разочарован? На этот вопрос у Хелмса ответа не было, по крайней мере на данный момент. В должность он вступил четыре дня назад, президент Линдон Джонсон лично рекомендовал его на вакантное место после отставки Уильяма Рейборна. Хотя сам Хелмс считал, что де-факто исполняет обязанности директора ЦРУ больше года, с тех пор, как тот же президент Джонсон назначил его первым заместителем Рейборна. По сути, Рейборн так и не стал директором ЦРУ. Не его это было место, просто не его. И все же что-то изменилось с того момента, как Хелмс официально принял должность. Что-то неуловимое, странное и несколько пугающее.

Возможно, так Хелмс ощущал возросший груз ответственности, для него вступление в должность означало высшую степень доверия президента. Да, в принципе, так оно и было. В частной беседе президент Джонсон так и сказал ему: «Америка в моем лице возлагает на вас, Ричард, большие надежды». Хелмс считал себя истинным патриотом своей страны, не оправдать ожидания президента и тем более ожидания американского народа он позволить себе не мог.

— Скучаешь, Ричи?

Голос прозвучал откуда-то из-за спины. Хелмс открыл глаза и повернулся на звук. Впрочем, для того, чтобы понять, кто решился нарушить его уединение, видеть собеседника ему было не обязательно. Лишь один человек на земле называл его сокращенным именем Ричи — его сослуживец Дэвид Уильямс. Хелмс не ошибся, за скамейкой стоял именно он, бывший командир подразделения Военно-морских сил США. Как всегда, подтянутый, с широкой улыбкой на выразительном лице, высокий брюнет, сводивший с ума противоположный пол в возрасте от пяти до восьмидесяти пяти лет.

— Привет, бродяга! Составишь компанию? — Хелмс похлопал ладонью по скамье, предлагая собеседнику присесть.

— Даже не знаю, дозволено ли мне сидеть в присутствии такой важной персоны, как ты, Ричи, — улыбка на лице Дэвида расплылась еще шире.

— Не попробуешь, не узнаешь? Верно, Дэйв?

С Дэвидом Уильямсом Ричард Хелмс мог чувствовать себя свободно при любых обстоятельствах. Их дружба, зародившаяся в те времена, когда оба они зелеными лейтенантиками прибыли в место своего первого назначения, переросла в нечто большее, чем просто дружба двух

сослуживцев. С далекого сорок третьего их профессиональные пути разошлись. Хелмс продолжил работу на правительство, Уильямс же предпочел уйти в бизнес. Казалось бы, такие разные пути, но дружба от этого только окрепла.

— Верно, Ричи. Не попробуешь, не узнаешь, — Дэйв повторил за другом любимую поговорку времен лейтенантской службы.

— Как ты узнал, что найдешь меня здесь?

— Где же тебе еще быть четвертого июля? Разве мой друг Ричи упустит возможность приобщиться к празднованию столетия провозглашения независимости Америки? К тому же после того, как страна возложила на него большие надежды!

— Ты и это знаешь?

— Что именно?

— Ничего, забудь. — На минуту Хелмс решил, что другу известно, о чем говорил с ним президент, но он тут же отбросил это предположение. Дэвид Уильямс всего лишь бизнесмен, у которого нет доступа к секретной информации, тем более к сведениям о частных беседах президента.

— В точку попал? — Дэвид улыбнулся.

— Как всегда, Дэйв.

— Тебя легко просчитать, если знать так, как знаю тебя я. — Дэвид достал из нагрудного кармана пачку сигарет, закурил.

— Ты тоже далеко не закрытая книга, — в тон другу произнес Хелмс. — Снова разлад в семье?

— С чего ты взял?

— День независимости ты всегда проводишь в обществе сыновей, а сейчас я их поблизости не вижу, — прокомментировал свои выводы Хелмс. — Значит, Эбби снова увезла мальчиков к мистеру Берку. А раз так, у вас в семье разлад.

— Ты меня раскусил, — Дэвид поднял руки вверх. — Сдаюсь на милость победителя. Эбби снова хандрит.

— Что на этот раз?

— Мальчики слишком быстро выросли. Шестнадцать лет — уже не дети, а Эбби не хочет признавать данный факт. Впрочем, как и сами мальчики. Им нравится опека мамочки, они не желают взрослеть и брать на себя ответственность.

— А тебя это не устраивает, — закончил за друга Хелмс.

— Кого бы устроило? Мне нужна смена, нужны помощники в бизнесе. Нужна мужская поддержка в семье, в конце концов! А что получаю я?

— И что же получаешь ты?

— Оппозицию, мой друг, вот что я получаю. Возможно, все дело в деньгах. Не стоило приучать семью к тому, что в доме может быть только один кормилец.

— Ты о том, как не пустил Эбби работать? — Хелмс улыбнулся.

История с трудоустройством Эбби произошла пятнадцать лет назад, но для семьи Уильямса не потеряла актуальности. Тогда Эбби, мать годовалых двойняшек Тома и Адама, заявила Дэйву, что больше не намерена сидеть дома. Она, мол, взрослая, независимая женщина с высшим образованием и должна начать строить свою карьеру, а он, Дэйв, пусть обеспечит мальчиков достойной няней. Оставить долгожданных близняшек на приходящую няню — об этом Дэвид даже думать не хотел, поэтому он развернул настоящую войну против горячо любимой желавшей работать жены, перетянув на свою сторону всех, начиная от родителей Эбби и заканчивая консьержем в многоквартирном доме, где они тогда жили. В итоге Эбби сдалась, отказалась от своих амбиций и осталась просто матерью и женой, но время от времени устраивала мужу «профилактические встряски» в отместку за упущенные возможности.

— Не шути на эту тему, слишком болезненно.

— Ладно, не грусти. Нельзя получить все сразу, это закон жизни, — фраза прозвучала с некоторой ноткой тоски, что не укрылось от Дэйва.

— Что, печаль заела? — сочувственно спросил он.

— С чего ты взял? — В отличие от Дэвида Хелмс не спешил признаваться в собственных проблемах.

— Как я сказал ранее: тебя легко просчитать. Рассказывай, друг, о чем твоя дума: работа или личное?

— Если бы личное...

Хелмс тяжело вздохнул. Ему хотелось выговориться, хотелось получить поддержку, хотелось разделить свой груз с кем-то, кто не совсем в курсе «закулисных интриг высшего света», но он не мог себе этого позволить. Должность не позволяла.

— Тяжко?

— Не то чтобы очень... Просто пока все непонятно, зыбко, что ли...

— Две головы всегда лучше одной, — как всегда, в разговоре о проблемах друга Дэвид перешел на задушевный тон. — Выкладывай, о чем у тебя голова болит. Глядишь, вместе и найдем решение.

— Ты же знаешь, я не вправе обсуждать свою работу с кем бы то ни было. Даже с тобой.

— А ты и не обсуждай. Не обязательно говорить открытым текстом, чтобы найти решение проблемы. Тебе ли этого не знать? Хочешь, я сам назову то, что тебя тревожит?

— Попробуй, — согласился Хелмс.

— У тебя новая должность, сложная и ответственная. Хочется показать себя, доказать, что получил ты ее не напрасно. Хочется оставить след в истории любимой страны, и не какой попало, а такой, чтобы не стыдно было родственникам в глаза смотреть. Начало — самое главное. От первых шагов, от первых действий и решений зависит, как пойдет дело дальше. Сколько их было до тебя, директоров? Один Аллен Даллес чего стоит! Кто-то был хорош, кто-то не очень, и ты никак не решишь, какой тактики придерживаться, чьему примеру следовать, а главное, как избежать ошибок. Я верно уловил суть, Ричи?

— В целом — да, — Хелмс помедлил, прежде чем продолжить. — Слишком поверхностно, прямолинейно, но суть ты уловил.

— Есть какая-то конкретная задача, с которой ты должен справиться лучше, чем твои предшественники? — осторожно поинтересовался Дэвид.

— Задачи есть всегда, и конкретные, и абстрактные, на любой вкус, но моя головная боль не об этом, — Хелмс тщательно подбирал слова, чтобы не сказать лишнего. — Движение — вот чего сейчас не хватает вверенному мне подразделению. Копошиться в общей куче, выискивая пригодные для пищи зерна, — это не для меня. Хо-

чется чего-то свежего, по-настоящему полезного для безопасности страны, понимаешь?

— Понимаю. — Дэвид с минуту молчал, затем выдал: — Вот что я скажу тебе, друг: не изобретай велосипед. Возьми старую, проверенную годами марку, модернизируй и катайся в свое удовольствие. Поверь, со старой моделью в новом формате ты никогда не прогадаешь!

— Старая модель в новом формате? Не слишком кардинально. — Хелмс улыбнулся, но улыбка получилась не слишком веселой.

— Подумай об этом, — повторил Дэвид и резко сменил тему: — Смотри, новый фургон подъехал, сейчас народ к нему полетит как пчелы на мед. О! Да это же сам легендарный Ален Коэн! Кстати, ваше ведомство как-то борется с такими, как Коэн? Или вы предпочитаете делать вид, что их не существует?

Ален Коэн работал редактором подпольной газеты «Оракул Сан-Франциско», одного из нескольких подпольных изданий, которые зарабатывали себе на хлеб тем, что предлагали американскому читателю иную интерпретацию официальных новостей, начиная от столичных слухов и заканчивая сплетнями маленьких городков. По сведениям ЦРУ, Коэн и еще четверо его коллег, редакторов самых ранних подпольных изданий, вынашивали

план создания Синдиката подпольной прессы, который якобы должен был создать серьезную конкуренцию таким мастодонтам, как «Нью-Йорк таймс» и ей подобные. Конечно, Центральное разведывательное управление держало руку на пульсе, контролируя влияние подпольных газет на умы американцев, но Дэвиду Уильямсу Хелмс об этом сообщать не планировал.

— Пойдем послушаем, что твой «легендарный» Коэн вещает народу. — Хелмс поднялся со скамьи и пошел к фургону.

Пока друзья пересекали лужайку, вокруг фургона Коэна успела собраться приличная толпа. Коэн, в белоснежной рубашке, умело формировал из толпы организованную группу, оттесняя самых шустрых за одному ему видимую границу, оставляя в центре аккуратный круг, где его помощники устанавливали аппаратуру.

— Похоже, он здесь надолго, — прокомментировал действия Коэна Хелмс.

Коэн меж тем разогревал толпу. Одно словечко брошено пожилой даме, каверзный вопрос — солидному джентльмену, шутка студентам, пожелание приятного дня — молодой мамаше. Спустя пару минут народ на площади в буквальном смысле заглядывал в рот Алену Коэну. А тот сыпал короткими вопросами, отвечать на которые позво-

лял весьма пространно, и практически не выдавал комментариев. У людей создавалось впечатление, что репортеру важно не столько то, о чем он спрашивает, сколько то, что ему отвечают. Открыто, пространно, честно.

«Социальные льготы малоимущим: что вы думаете о данной инициативе президента?» — обращался Коэн к молодой маме с пузатым младенцем на руках и терпеливо держал перед ее лицом микрофон, давая возможность высказаться от души. «Медицинские гарантии: как коснулись вас изменения в здравоохранении?» — Коэн переходил к пожилой паре, и та наперебой, с умиленными взглядами, рассказывала, как благодаря нововведениям президента Джонсона их подагре и артриту «поджарили хвост».

— Интересно, почему он лично командует парадом? Он ведь редактирует газету и, насколько мне известно, сам интервью не берет и репортажи не ведет? — рассматривая толпу, полюбопытствовал Уильямс.

— Возможно, сегодняшний выезд имеет особое значение, да какая нам, собственно, разница? — небрежно проговорил Хелмс.

На самом деле замыслы Коэна, как и замыслы тех, кто находился в толпе, заинтересовали его гораздо сильнее, чем он готов был показать.

Натренированный глаз Хелмса сразу вычислил ребят в неброских серо-коричневых футболках. В людской массе их было не так уж много, но их вид не вязался с празднично настроенной публикой. Напряженные позы, внимательный, рыскающий взгляд и строго подобранные позиции — вот как их видел директор ЦРУ. Хелмс насчитал около двух десятков парней в футболках, тогда как блюстителей правопорядка по всей площади перед зданием Индепенденс-холла курсировало не больше дюжины. Он направился к полицейскому в чине капитана, но тут путь ему преградил Ален Коэн. Он сунул микрофон на длинном штативе Хелмсу в лицо и громко спросил:

— А каково ваше отношение к проблеме?

— Что? — машинально переспросил Хелмс. Сосредоточившись на парнях в футболках, он пропустил момент, когда Ален Коэн завел дискуссию с окружающими его людьми, и, естественно, не уловил и сам вопрос, и тему дискуссии.

— Каково ваше мнение, на чьей вы стороне? — повторил вопрос Коэн, полагая, что дополнительных комментариев не требуется.

— Почему бы вам не задать этот вопрос милой леди, — пришел на выручку Хелмсу Дэвид Уильямс. Он отодвинул от лица друга микрофон, улыбнулся обворожительной улыбкой крестьян-

ского вида девушке в ярко-красном сарафане и с платком на шее, имитирующим американский флаг. — Милая, у вас ведь наверняка есть свое мнение по этому вопросу, поэтому вы и здесь, верно?

«Милая» зарделась под взглядом Дэвида, но вперед выдвинулась и микрофон к себе притянула.

— Я считаю, что президент молодец, — растягивая гласные и чуть гнусава, проговорила она. — Пусть вьетнамцы знают, что Америка может постоять за своих людей.

— Какие вьетнамцы? — Коэн вынужден был вступить в разговор с девушкой, и его вопрос был явно с подвохом, но девушка этого не поняла.

— Вьетнамцы, которые бомбят наши корабли в заливе, — увидев, что на нее направлены сразу две камеры, девушка старалась изо всех сил.

— Бомбят корабли?

— Ну да. Вы разве не слышали про эсминец? Об этом все знают, — девушка принялась пересказывать историю двухлетней давности об американском эсминце «Мэддокс».

Хелмс снова бросил взгляд в толпу. Разношерстный люд, собравшийся в Филадельфии со всех концов страны ради того, чтобы приобщиться к великому событию, излучал доброже-

лательность. «Надолго ли? — оглядывая парней в серо-коричневых футболках, подумал Ричард Хелмс. — Уж они сюда приехали явно не ради попкорна и дешевых развлечений. Кто же у них главарь, кто подает сигнал и, главное, какой сигнал?» А Ален Коэн продолжал беседовать с девушкой:

— Так, по-вашему, значит, нужно разбомбить всех вьетнамцев?

— Нет, конечно! Хороших вьетнамцев нужно оставить, — простодушно ответила девушка.

— И кто же должен решить, какой вьетнамец заслуживает жизнь, а какой — смерть? — Коэн подобрался, и в ту же минуту Хелмс понял, каким будет следующий вопрос, как понял и то, кто командует парадом.

— Я же сказала: оставить нужно хороших вьетнамцев, — утрируя звуки, как слабоумному, повторила девушка. Толпа вокруг нее напряглась в ожидании конфликта, и только девица оставалась в неведении о том, что является эпицентром событий.

— Я понял. Все вполне логично: хорошие должны жить, плохие — умереть. — Коэн буквально светился от удовольствия, о такой легкой добыче он и не мечтал. — Тогда еще один вопрос: кто из американских граждан должен умереть, чтобы выполнить ваш наказ? Кого из сыновей Аме-

рики вы хотите отправить на верную смерть? Кому из американских матерей вы, глядя в объектив камеры, готовы сказать: пусть ваш сын умрет, чтобы вместе с ним умер плохой вьетнамец?

— Умрет чей-то сын? — На девушку было больно смотреть, настолько ее расстроили слова репортера. — Нет, нет, вы меня неверно поняли! Я не хочу, чтобы кто-то умирал!

— Вот и мы не хотим! — Коэн торжествовал. — Американский народ против того, чтобы его сыновей посылали на смерть! Вы со мной согласны?

На этот раз Коэн адресовал вопрос толпе, и та дружным хором его поддержала.

— Мы против смерти своих сыновей! Мы против войны во Вьетнаме! Нет убийствам! — скандировала толпа, подогреваемая все теми же парнями в серо-коричневых футболках. — Верните наших братьев!

— Возникает вопрос: кому выгодна война? — возвысив голос, бросил новый вопрос в толпу Коэн. — Кто услышит наши вопросы? Кто ответит на наши призывы?

— Спросите президента! Пусть он ответит, — прозвучал призыв из толпы. Одной фразы оказалось достаточно, чтобы толпа загудела.

— Пусть ответит!

— Пусть президент ответит!

— К ответу президента!

И, как звуковое одеяло, над площадью зазвучал призыв:

— Нет войне! Нет войне! Нет войне!

Хелмс смотрел на колышущуюся в едином порыве толпу и невольно восхищался тем, как Коэн и его люди (а Хелмс не сомневался, что парни в футболках — люди Коэна) ловко направили энергию толпы в нужное им русло. Буквально двадцать минут назад пожилая пара с артритом пела хвалебную песнь президенту Джонсону, сейчас же та же самая пожилая пара с пеной у рта требовала призвать президента к ответу.

— Что происходит, Ричи? — понизив голос до шепота, спросил Дэвид. Он, как и Хелмс, почувствовал изменение в настроении толпы.

— Думаю, тебе лучше уйти, — коротко сказал Хелмс.

Пару минут он оставался на месте, затем продолжил движение, прерванное вмешательством Коэна. Он подошел к капитану полиции и негромко позвал его:

— Капитан, вы здесь за порядок отвечаете?

— Так точно, — внутреннее чутье подсказало капитану, что перед ним не просто обыватель, которому стало скучно. Выправка, командные нотки в голосе, властный взгляд — все говорило о том,

что перед ним военный, наделенный немалой властью.

— Как ваше имя?

— Капитан Фаулер, сэр. Джордж Фаулер.

— Капитан Фаулер, послушайте внимательно то, что я вам скажу, и постарайтесь принять меры как можно скорее.

— Слушаю, сэр.

— Видите молодых людей в серо-коричневых футболках? Их здесь порядка двух-трех десятков. Тот, что у северного парапета моста, — вероятнее всего, координатор, организует эту группу, распределяя обязанности в общем деле.

— Черт, как это я проглядел? — Капитан был искренне расстроен.

— Бывает, капитан. Опыта не хватило, к тому же ребята эти хорошо организованы. Смотришь на толпу, встречаешь парня в футболке и скользишь взглядом дальше. Расположились они в шахматном порядке, на определенное количество зевак — не более одного своего человека.

— Думаете, будет конфликт?

— А вы думаете иначе? — ответа Хелмс не ждал, он понимал, что терять время недопустимо. — Первым нужно взять того, что у парапета, иначе он успеет подать сигнал и его люди

растворятся в толпе. Тогда вам не удастся взять ни одного.

— Что им нужно? — Капитан явно занервничал, так как даже не подумал спросить, чьи приказы он собирается выполнять.

— Принципиально? Ничего. Просто подогреть толпу, создать репортаж-протест, — прокомментировал Хелмс.

— Но против чего они протестуют?

— Капитан, вы что, оглохли? Не слышите, что скандирует народ? — Хелмс начал раздражаться туповатостью капитана. — Они протестуют против войны во Вьетнаме.

— Война во Вьет... — Капитан подскочил на месте, схватился за рацию и начал по цепочке вызывать посты.

Он отдавал один и тот же приказ, а над площадью продолжал лететь призыв: «Нет войне! Нет войне! Нет войне!» Краем глаза капитан следил за молодым человеком у моста, стараясь не упустить его из вида.

— Что делать с репортером? Арестовать? — без тени сомнения в том, что подобный вопрос в компетенции незнакомца, капитан обратился к Хелмсу.

— Ни в коем случае! Арест журналиста лишь усугубит последствия, — предостерег Хелмс. —

Займитесь организованной группой подстрекателей, с журналистом я разберусь.

— Вы? — наконец до капитана дошло, что он понятия не имеет о том, кто им командует.

— Да, я, капитан. Не волнуйтесь, для этого у меня полномочий гораздо больше, чем у вас, — ответил Хелмс и поспешил к Алену Коэну.

Коэн уже оставил в покое девушку в красном сарафане, получив от нее все, что хотел. Теперь он обрабатывал семейную пару средних лет, направив на них сразу три объектива. Мужчина был явно смущен, он, потупив взор, молчал, а его жена вещала на всю страну и изо всех сил старалась вовлечь в разговор и мужа.

— Конечно, любой здравомыслящий человек будет выступать против войны, ведь так, Гарольд?

— Вы хотите обратиться к президенту с призывом покончить с бессмысленной гибелью американских сыновей? — подбрасывал женщине вопросы Ален Коэн.

— Да, мы хотим, чтобы президент нас услышал, правда, Гарольд?

Хелмс выжидал, пока капитан и его люди начнут действовать. Он видел, как человека у северного парашюта нейтрализовали, аккуратно взяв под руки, и увели к полицейскому пикапу. В тот же момент в нескольких местах в толпе возникли по-

лицейские и начали аккуратно выводить людей Коэна. «Пора», — решил Хелмс и мягко оттеснил женщину от объектива камеры журналиста.

— Ваш малыш заскучал, мадам, — негромко произнес он и указал на карапуза лет четырех, которого женщина держала за руку. — В парке работают аттракционы, не хотите покатать мальчика на качелях?

— Правда, Иззи, пойдем. — Гарольд одарил Хелмса благодарным взглядом. — Том весь день просится на качели. Давай порадуем мальчика.

— Томми! Ты хочешь на качельки? Ну конечно, будут тебе качельки!

Женщина переключила свое внимание на внука и тут же забыла о существовании Алена Коэна и вьетнамских проблемах. Карапуз радостно засмеялся, женщина умиленно улыбнулась, взяла под руку мужа и увлекла в сторону парка. Поняв, что интервью сорвалось, Коэн опустил микрофон и начал высматривать очередную жертву в толпе.

— Не спешите, господин Коэн, — так тихо, чтобы мог услышать только журналист, произнес Хелмс. — Думаю, все интервью закончились. Сегодня не ваш день, поверьте.

— Что вам нужно? — грубовато спросил Коэн.

— Мне нужно, чтобы вы дали людям возможность насладиться праздником, — спокойно от-

ветил Хелмс. — Им не нужны ваши интриги, подстрекательства и вражда. Им нужен праздник. Ведь сегодня праздник, не так ли?

— Когда вокруг гибнут люди, — начал Коэн, но Хелмс не дал ему договорить.

— Оглянитесь вокруг, — произнес он. — Ваших людей уведут, вы остались без поддержки, так что рекомендую вам убраться с площади добровольно.

— Иначе вы примените силу? — Коэн подал сигнал включить камеры, предвкушая потасовку, в которой он сыграет главную роль.

— Нет, что вы! У нас свободная страна. — Хелмс улыбнулся, заметив, как внимательно Коэн осматривает толпу, отыскивая серо-коричневые футболки и не находя их. — У меня нет к вам претензий. Напротив, я с удовольствием попозирую перед камерами и с вашей помощью напомню американскому народу о значимости сегодняшнего дня. Ведь это поистине великий день, в который американский народ получил свободу слова и свободу выбора.

— Сворачиваемся, парни, — раздраженно бросил Коэн, опуская микрофон.

Он не узнал Хелмса и потому упустил возможность получить интервью нового директора ЦРУ. Хелмс наблюдал, как люди Коэна быстро соби-

рают оборудование и грузят его в фургон. Он улыбался. Сегодня ему удалось разрушить планы подпольных газетчиков, не допустить беспорядков на площади перед Залом независимости, а значит, день прожит не зря! «Старая модель в новом формате, — промелькнуло у него в голове. — Возможно, идея Дэйва не так плоха!» Хелмс поискал глазами друга, но того на площади уже не было. «Что ж, может, оно и к лучшему, — подумал Хелмс. — Пора и мне возвращаться в Лэнгли, к рутинной работе. Праздник закончился, наступают суровые будни».

Спустя три дня он сидел в приемной президента Линдона Джонсона, держа в руках пухлую папку. В верхнем правом углу папки стоял штамп «Совершенно секретно». Время от времени секретарь президента бросал сочувствующий взгляд на директора ЦРУ и, как бы извиняясь, произносил:

— Совещание затягивается, господин директор. Придется подождать.

— Хорошо, Трэвис, я подожду, — неизменно отвечал Хелмс, и в приемной снова наступала тишина.

Совещание в кабинете президента длилось уже больше трех часов. Хелмсу было назначено на два часа дня, но и без четверти четыре в каби-

нет он все еще не попал. В ожидании своей очереди Хелмс продолжал прокручивать в голове план, составленный после возвращения из Филадельфии. Слова Дэйва об испытанном методе действий, в совокупности с увиденным на площади перед зданием Зала независимости, подсказали Хелмсу направление, в котором могло бы действовать ЦРУ. В этом направлении и начал разрабатывать план Хелмс.

После напряженности во время Карибского ядерного кризиса холодная война между США и Советским Союзом хоть и приняла более мягкие очертания, но актуальности не потеряла. Отношение Линдона Джонсона, как президента, к противостоянию между двумя сверхдержавами оказалось неоднозначным. В период до президентства, особенно в пятидесятые годы, Джонсон был известен как убежденный сторонник политики силы в отношении Советского Союза. Теперь же, осознав реалии международной политики, почувствовав на своей шкуре сложность взаимоотношений СССР и США, он, как прагматик, придерживался курса, который помогал предотвратить ядерную угрозу, стараясь нормализовать отношения с СССР.

И все же отдать пальму первенства русским и даже разделить с ними на пьедестале первое

место Джонсон готов не был. Не одобрял подобную политику и Ричард Хелмс, поэтому план, который он назвал «Операция «REDSOX-2», по мнению Хелмса, удовлетворял всем потребностям современной Америки.

«Операция «REDSOX» была разработана после Второй мировой войны, в 1949 году, по аналогии с акциями гитлеровской военной разведки и контрразведки в период войны. Суть операции заключалась в следующем: в западные районы СССР были заброшены порядка восьмидесяти пяти шпионов, специально подготовленных и обученных выполнять определенные задачи, а именно, оказывать помощь антисоветскому подполью. План долгосрочный, рассчитанный не на один год, разработанный людьми Роскоу Хилленкоттера, третьего директора Центральной разведки и одновременно первого директора Центрального разведывательного управления, созданного в 1947 году, после принятия «Закона о национальной безопасности».

В задачи агентов «REDSOX» входила вербовка новой агентуры, организация «групп сопротивления», распространение пропагандистской литературы с призывами к вооруженному сопротивлению существующему режиму. Помимо этого агенты должны были корректировать цели для

ядерных бомбардировок и совершать диверсии. Это, по мнению Ричарда Хелмса, действующего директора Центрального разведывательного управления, и стало причиной того, что к середине пятидесятых проведение операции мало-помалу свернули, прекратив переброску новых агентов и почти потеряв связь с теми агентами, которые остались на территории противника.

Слишком много задач привело к тому, что большая часть агентов была раскрыта или погибла, а ведь изначально им удалось создать крепкую базу антисоветского движения во всех западных и прибалтийских республиках СССР. Ричард Хелмс считал, что задачи диверсионного и пропагандистского направления следует четко разграничивать, поручая их разным группам агентов. Эту мысль он планировал донести до президента Джонсона, после чего рассчитывал получить его одобрение на реализацию плана «Операция «REDSOX-2».

Президент освободился только в пять вечера, и все это время Ричард Хелмс терпеливо ждал в приемной. Как только члены совещания начали расходиться, Хелмс поднялся с места. Он ждал, когда разойдется народ и можно будет пройти к президенту, но вместо этого президент сам вышел в приемную.

— Трэвис, меня ни для кого нет, — быстро произнес он и направился к выходу.

— Сэр, тут... — начал было секретарь, но президент Джонсон не обратил на его реплику никакого внимания, продолжая двигаться к выходу.

Хелмс понял, что его сейчас, грубо говоря, «прокатят», и ринулся наперерез президенту. Охрана, два высоких, атлетически сложенных парня, мгновенно преградила Хелмсу путь. «И что теперь? Отложить встречу? Прийти на прием в следующий раз, а пока заниматься рутинными делами? — лихорадочно размышлял Хелмс, понимая, что время уходит. — Или окликнуть президента? Обозначить свое присутствие. Вдруг повезет и он выделит несколько минут. Хотя кричать в Белом доме не лучшая идея. Или наплевать на все?» Осознавая, как глупо и жалко прозвучит фраза из уст директора могущественной разведывательной организации, Хелмс все же крикнул, привлекая внимание президента:

— Господин президент! Господин президент, мне назначено!

Выходка действительно привлекла внимание Линдона Джонсона, он резко остановился и посмотрел через плечо. При виде директора ЦРУ брови его слегка приподнялись, выражая удивление.

— Господин Хелмс? — произнес он.

— Господин президент! — Хелмс в приветственном жесте поднял руку. — Прошу прощения за задержку, но дело в том, что мне было назначено на два часа дня. Могу я рассчитывать на встречу еще сегодня?

Джонсон перевел вопросительный взгляд на секретаря.

— Да, господин президент. Господину Хелмсу было назначено на четырнадцать ноль-ноль, в расписание встреча внесена заранее, — быстро отчеканил секретарь.

— Что ж, ждали вы долго. Сегодня весь день пошел не по плану, — взглянув на наручные часы, произнес президент. — И все же в данный момент меня ждет неотложное дело. Заставлять вас ждать еще дольше не слишком вежливо, так что придется перенести встречу на другой день. Трэвис, посмотрите, на какой день можно перенести встречу с господином Хелмсом.

— Не нужно переносить, я подожду, — не дожидаясь ответа секретаря, произнес Хелмс.

— Что? — Джонсон снова перевел на Хелмса вопросительный взгляд.

— Господин президент, вы сами сказали, что сегодня все планы нарушены. Значит ли это, что

остальные встречи, назначенные на сегодняшний день, отменены? Если да, я готов ждать еще.

— Хотите сказать, что дождетесь моего возвращения, чтобы не откладывать встречу? Ваш вопрос настолько важен?

— Для меня — да, господин президент, — ответил Хелмс. — Надеюсь, для вас он тоже станет таковым.

— Хорошо, можете подождать. Если новая встреча не займет больше двух часов, я готов уделить вам столько времени, сколько потребуется, — подумав, произнес президент Джонсон.

— Благодарю вас, господин президент, — поблагодарил Хелмс и отступил в сторону.

Президент Джонсон в сопровождении охраны вышел из приемной, в которой снова остались только Ричард Хелмс и секретарь президента Трэвис. А спустя два часа терпение директора Центрального разведывательного управления было вознаграждено: президент в приподнятом настроении вернулся со встречи и заявил Хелмсу, что до утра он в полном его распоряжении. Конечно, это была шутка, но в любом случае означала она, что президент готов слушать директора ЦРУ довольно долго.

Войдя в кабинет президента, Хелмс выложил на стол собранные за три дня материалы.

— Что это? — спросил Джонсон, указав на бумаги.

— План постепенного ослабления главного идеологического, политического, финансового и военного врага Соединенных Штатов, — чуть напыщенно произнес Ричард Хелмс.

— Вот как? Не больше и не меньше?

— Именно так, господин президент, — голос Хелмса звучал на удивление уверенно. — Много лет длится противостояние между нашими странами, но до сих пор нам не удалось хоть сколько-то существенно ослабить позиции Советского Союза. Владение СССР ядерным оружием усложнило ситуацию, и, как мне кажется, пришло время всерьез заняться ослаблением позиций СССР изнутри.

— С чего вы взяли, что правительство в моем лице имеет намерение враждовать с СССР? В наших взаимоотношениях впервые за многие годы появилась хоть какая-то стабильность, а вы предлагаете вновь разрыть топор войны?

— Нет, господин президент, я предлагаю нечто иное. Если позволите, я объясню.

— Мне казалось, для этого я вас и пригласил, — заметил президент Джонсон, и Хелмс перешел прямо к делу.

— Вам знаком план «Операции «REDSOX»? — задал вопрос Хелмс.

— Только в общих чертах.

— Тогда позвольте вкратце описать, в чем заключалась реализация плана. На тысяча девятьсот сорок девятый год это было важнейшее направление разведывательно-подрывной деятельности спецслужб двух государств: США и Великобритании. Агенты для данной операции вербовались из числа нелегальных эмигрантов, проходили спецподготовку, экипировались надлежащим образом и группами по два-четыре человека высылались в Советский Союз. Для их отправки использовали все возможные виды транспорта: воздушный, водный, сухопутный. Агенты попадали в СССР через Скандинавию и Западную Германию, через Грецию, Иран и даже Японию. Все они, будучи эмигрантами, быстро находили свою нишу в социалистическом лагере, внедряясь в партийные, военные и студенческие круги. Идея была хороша: посеять в умах советских людей сомнения, заставить увидеть то, что власти СССР так хорошо от них скрывали. План мог в корне изменить соотношение сил, если бы удалось довести его до конца.

— Если план был так хорош, почему он не сработал? Почему Советский Союз все еще си-

лен, а его так называемые союзные республики не предпринимают даже слабых попыток избавиться от влияния СССР? Это вы можете объяснить, господин Хелмс?

— Думаю, что могу, — Хелмс снова обратился к папке с собранными документами. — Взгляните на эти отчеты, господин президент. Здесь указывается одна из причин провала операции.

Президент Джонсон мельком просмотрел бумаги, которые предложил Хелмс, но ничего существенного не заметил.

— Не вижу ничего для себя нового, — признался он. — Эти отчеты говорят о том, что агенты ЦРУ, на подготовку которых ушло немало сил, времени и денег, не смогли справиться с поставленной задачей и были раскрыты агентами советской контрразведки. Но в чем же причина?

— Эти агенты набирались из числа беженцев и вынужденных переселенцев, другими словами можно сказать, «из местных». Они хорошо вписывались в социальные группы, в которые были внедрены. В этих группах они имели вес, авторитет, а главное, друзей. Благодаря этому к их мнению прислушивались и, когда они, разумеется, втайне от советских властей, просвещали людей относительно капиталистического строя жизни, им верили. Верили и начинали мечтать о такой

жизни. Не о скудных пайках, лозунгах на заборах и уравниловке, а о возможности иметь право голоса, строить карьеру, наладить бизнес и при этом не бояться быть осужденными за желание иметь материальные блага. Но потом оказывалось, что те, кому они доверяли, совершают диверсионные действия на заводах, фабриках, в действующих армейских войсках. А это уже становилось опасно. С такими людьми в СССР не только дружить опасно, но и просто знать их. И люди начали отдаляться от внедренных агентов, а вскоре начали их сдавать в соответствующие инстанции, потому что не сдать тоже страшно, ведь любой агент может оказаться подсадной уткой, которая проверяет твою благонадежность. Так мы потеряли большую часть агентов, а вместе с ними и завербованную агентуру.

— Тогда зачем вы рассказываете мне об «Операции «REDSOX», если она оказалась провальной? — Джонсон нахмурился.

— Потому что я знаю, как модернизировать существующий план, чтобы он сработал так, как нам нужно, — торжественно объявил Хелмс и без паузы продолжил: — Не нужно устраивать диверсии, выискивать оборонные объекты на территории союзных республик. Все, что нам нужно, — это настроить местное население против русских.

Рано или поздно наступит благоприятный момент, и местное население само поднимется против социалистического режима. Не без помощи агентурной сети, конечно, но если все сделать правильно, о нашем вмешательстве не узнает не только мировая общественность, но и те, кто поднимет народ против советской власти.

— И что нам это даст?

— Ослабление Советского Союза. Сейчас в составе СССР пятнадцать союзных республик, по статистическим данным, это чуть меньше половины от общего количества населения всей страны. Только представьте, господин президент, почти половина! Если нам удастся внести разлад в отношения между союзными республиками и РСФСР, это даст возможность ослабить Советский Союз ровно наполовину!

— Силами нескольких агентов? Сомневаюсь, — скептически сказал президент, покачав головой.

— Не сразу, конечно. — Хелмса скептицизм президента не смутил. — Стоит только создать прецедент, отколоть от СССР пару-тройку республик, и остальные последуют примеру соседей.

— Допустим, я дам одобрение на реализацию вашего плана. Во что нам это обойдется?

— Дайте мне то же, что президент Трумэн дал директору Роскоу Хилленкоттеру, и я сделаю то, чего не смог сделать он, — заявил Хелмс. — Разведывательно-диверсионную школу ЦРУ в пригороде Мюнхена, порядка восьмидесяти агентов, сообразный бюджет и полную свободу в выборе союзных республик, в которые отправку агентов следует выполнить в первую очередь.

— Это все?

— Да, господин президент, это все.

— Хорошо, вы получите то, о чем просите, но с одним условием, — президент поднялся, давая понять, что аудиенция подошла к концу. — Курировать операцию я буду лично. Все доклады идут через меня. Если в течение пяти лет ваш план не даст результатов, мы свернем операцию, как ранее это сделал мой предшественник.

— Благодарю за доверие, господин президент. — Хелмс поднялся вслед за президентом. — Когда я могу приступить к осуществлению операции?

— Хоть сегодня, — пошутил президент Джонсон, но директор Хелмс отнесся к его словам серьезно.

— Хорошо, сегодня же выезжаю в Мюнхен, — заявил он, кивком попрощался с президентом и вышел из кабинета.

ГЛАВА 2

*Германия, пригород Мюнхена,
тренировочная база ЦРУ, лето 1967 года*

Капитан Майли по прозвищу Волкодав вошел в здание казармы, придержал дверь, жестом остановил дежурного, готового во всю силу молодых легких рапортовать о приходе начальства, подошел ближе и вполголоса спросил:

— В котором часу был отбой?

— В три тридцать, сэр, — отчеканил дежурный.

— Перкинс?

— Так точно, сэр.

— Ладно, дадим парням еще пятнадцать минут.

Майли двинулся по коридору вдоль закрытых дверей, звук его шагов гулким эхом отдавался в пустом помещении. Время от времени он открывал дверь спального помещения, вглядывался в лица подопечных, вздыхал и закрывал дверь. Дойдя до конца коридора, Майли остановился и уперся взглядом в циферблат часов, расположенных на противоположном конце пустого казарменного коридора. Пять пятнадцать утра. Тишина давит на перепонки, но это ненадолго. Еще пару секунд — и начнется.

— Па-а-а-дразделение-е-е-е! Па-а-адъем!!!!

Началось! Скрип пружин, звук босых ног, шлепающих по голому полу, стук ботинок, хлопанье дверей... Вот вода полилась в раковину, сработал смывной бачок, кто-то выругался, кто-то заворчал... Тишина растворилась в какофонии утренних звуков, исчезла без следа до следующего утра, на смену ей пришли шум и гам. Но и это ненадолго. Разговоры идут до тех пор, пока в дело не вступит капитан Майли. Вот он стоит у дверей, неотрывно смотрит на минутную стрелку, одними губами ведет отсчет и улыбается.

Его подопечным не до улыбок. Они хоть и не военнообязанные, но дисциплину и порядок, заведенный бывшим офицером ВМС капитаном Вольфом Майли, соблюдать приходится всем. Подъем строго по команде, ограниченное время, отведенное на сборы, построение на плацу и даже утренний марш-бросок на пятнадцать километров — это еще мелочи, пережить можно, привыкнуть за пару-тройку месяцев. Что на самом деле сложно, так это удовлетворить строгие требования Майли к усвоению обучающей программы. Тут Волкодав спуску не даст, сколько ни проси, да и кто осмелится выступить в роли просителя у Волкодава?

Поначалу, когда группа только формировалась, все думали, что Майли приставлен к ним

лишь для того, чтобы они от монотонной рутины зубрежки, одиночества и безделья не устроили на базе анархию. Бывший вояка, капитан Военно-морских сил США, ветеран Второй мировой, участник боевых действий в Корее, что он может смыслить в шпионской деятельности? Вот Перкинс — другое дело. Он двадцать лет оттрубил на благо страны в роли тайного агента, побывав во многих странах мира, и ни разу не прокололся. Президент лично призвал его на службу в разведывательно-диверсионную школу ЦРУ, так как более достойного примера для подражания для новобранцев и придумать нельзя.

Но все оказалось не так однозначно. Перкинс, он, конечно, авторитет, и историй занимательных у него в запасе целая куча, но что касается практических советов, тут от него пользы мало. Можно сказать, совсем никакой пользы. Задашь вопрос — только время зря потратишь, причем не только свое, но и остальных ребят. Любит Перкинс покрасоваться, как начнет на вопрос отвечать, тридцать три истории для наглядности присокупит, а сам вопрос так без ответа и оставит. Еще Перкинс любит зубрежкой рекрутов изводить. Шифры, коды, особые опознавательные сигналы, которые следует знать, прежде чем тебя забросят на вражескую территорию, — всем этим за-

ведует Перкинс. За десять месяцев подготовки все эти коды и шифры уже от зубов отскакивают, во снах снятся, а Перкинс все гоняет по ним и гоняет. За три последних месяца новой информации ноль, хорошо хоть через начальство практические занятия себе выбили. Правда, Перкинс за то, что через его голову к начальству полезли, практику на ночное время определил. Нет, мол, в дневное время дополнительных часов для отработки практических навыков, но все равно это лучше, чем истории про «подвиги» Перкинса слушать.

Два часа в день в учебные классы приходили преподаватели иностранных языков. Немецкий, французский и русский были обязательны для всех, их преподавали три раза в неделю. Еще три дня отводилось на изучение «целевого» языка, рассказывать друг другу, какой именно язык определен целевым, запрещалось. Их изучали малыми подгруппами, и для того, чтобы попрактиковаться, нужно было уходить в отдельно стоящий блок, разделенный на малые комнаты, стены которых имели звукоизоляционные и шумопоглощающие системы.

Здесь же, в звукоизоляционных комнатах, проходили индивидуальные тренировки, называемые «Психоатака». На этих тренировках агентов учили, как выдержать допрос «с пристрастием», как не выдать себя случайным словом, если вдруг

дело дойдет до ареста, как не поддаться грубой силе вербовщиков, которые умело перевербовывают американских шпионов, используя их навыки для своих нужд. Занимался данной работой целый отдел из двенадцати специалистов разного возраста, цвета кожи и социальной принадлежности. Дело свое группа «психов», как за глаза называли тренеров будущие агенты, знала неплохо, но на годичную подготовку их опыта явно не хватало.

Кто по-настоящему учил будущих агентов ремеслу, так это Вольф Майли. Он как настоящий Волкодав с первого дня вцеплялся в новобранцев и не отпускал до тех пор, пока не понимал, что агент готов к самостоятельному плаванию. Именно Майли учил тактике и приемам наблюдения и слежки (как выяснилось, есть большая разница между тем, кто следит, и тем, кто наблюдает!), учил определять, врет ли собеседник или говорит правду, учил отслеживать окружающую обстановку, в одно мгновение определяя подозрительное поведение людей и малейшие признаки опасности. Как освободиться от наручников, цепей, веревок и прочего, как взломать замок любой сложности, создать импровизированное оружие для самообороны или организовать медицинскую аптечку из подручных материалов — всему этому учил Майли.

А еще он знакомил с уникальными устройствами военных спецслужб, типа ручки с газовым зарядом, тренировал в использовании микрофототехники, скрытых микрофонов и диктофонов, натаскивал в использовании радиопередатчиков всех возможных типов. Он же поделился и самым ценным учебным опытом: методам вербовки и переманивания противника на свою сторону, оставаясь при этом в тени. За это и ценили будущие агенты Волкодава, уважали и боялись подвести.

Майли не боялся. За каждого из своих парней он мог ручаться головой хоть перед главнокомандующим, хоть перед Господом Богом, хоть перед директором ЦРУ, визит которого со дня на день ожидали в разведшколе. О том, что в школу с официальным визитом прибудет Ричард Хелмс, знали и будущие агенты, и командно-преподавательский состав. Не знали лишь, в какой конкретно день, но знали, что прибыть он может в любой момент, поэтому и не расслаблялись офицеры, и не было покоя будущим агентам. Вот и сегодня один за другим парни выбегали на плац, чтобы пройти обязательную переключку и начать долгий, полный трудностей день. Почти каждый из парней хотел как-то подбодрить капитана, выразить свою солидарность, но мало кто на подобную вольность решался. Разве что бывший морской пехотинец (как поговаривали,

земляк капитана Майли) латиноамериканец Беллуски. Имя Беллуски морской пехотинец получил в разведшколе, настоящие имена здесь были под строгим запретом, но кое-кто из агентов считал, что на Беллуски данное правило не распространялось.

— Хорошее утро, сэр капитан? — пробегая мимо Майли, бросил Беллуски, как всегда, присовокупив к обязательному «сэр» неуставное «капитан», вольность, которую также мог себе позволить только он.

— Неплохое, агент. — Майли сдержал улыбку.

Беллуски ему нравился: воспитанный, образованный, в меру старательный, перед начальством не лебезит, со сверстниками держит себя ровно, к тому же программу усваивает на порядок быстрее остальных. С первого дня, как Беллуски появился в группе, Майли решал вопрос, как лучше использовать парня — как агента-одиночку или в группе из трех-четырёх человек, где Беллуски, несомненно, займет место лидера.

— Сегодня Судный день, сэр капитан! — Беллуски успел отбежать от входа в казарму довольно далеко, поэтому ему пришлось кричать.

— Кончай трепаться, Беллуски, — оборвал его Майли.

— Это не треп, так и будет. Вы и сами это чувствуете, верно, сэр капитан?

Майли не ответил. Отчасти потому, что не хотел давать повод остальным агентам думать, что в школе приветствуются вольности, отчасти потому, что был согласен с Беллуски. Проснувшись в четыре тридцать утра, он тоже почувствовал: день сегодня особенный. В предчувствия Майли не верил, а потому отмахнулся от мысли, как от назойливой мухи. Но, придя в казарму, он снова пережил то же ощущение: что-то должно произойти, что-то важное, глобальное. Казалось, это что-то витало в воздухе, отражалось от казарменных стен, этим ощущением был пропитан каждый клочок земли на плацу.

— Подразделение, стройсь!

По команде капитана Майли рекруты выстроились в шеренги. Началась переключка.

— Арчибальд.

— Я, сэр.

— Глейхесис.

— Я, сэр.

— Диас.

— Я, сэр.

— Мануэль.

— Я, сэр.

Майли выкрикивал имена, под которыми рекруты числились в разведшколе, не заглядывая в список. Ему это было не нужно, за десять месяцев